

А. Л. ВИШНЕВСКИЙ
ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ МХАТ

КЛОЧКИ ВОСПОМИНАНИЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С ПРЕДИСЛОВИЕМ
И ПРИМЕЧАНИЯМИ
А.Л. СЛОНИМСКОГО

«А С А Д Е М І А»

ЛЕНИНГРАД

1 9 2 8

ЧЕХОВ-ГИМНАЗИСТ

В Таганроге я был близок с семейством Чеховых. Иван Павлович (младший, впоследствии учитель) был моим однокласником. Мы с ним сидели на одной парте. Антон Павлович был на год или на два старше. Самый старший из братьев, Александр Павлович (впоследствии писатель А. Седой), был моим репетитором.

Александр Павлович жил в квартире директора Рейтлингера. Он был домашним репетитором его сына. Директор преподавал латинский язык, и мы часто прибегали к содействию Александра Павловича, чтобы разведать заранее экзаменационную тему или, в случае грозных «экстемпоралий», выкрасть с его помощью из директорского кабинета классную работу, подменив ее написанной дома.

Среди гимназических преподавателей особенной свирепостью отличался чех Урбан, преподаватель греческого языка. Поступив к нам в гимназию, он стал переводить обратно в низшие классы. Экстернов совсем не допу-

скал к экзаменам. Однажды, когда я осмелился завести с ним на перемене разговор о бесполезности греческого языка, он отправил меня на три дня в карцер. Несколько смельчаков решили его «взорвать». Случайно его не было дома, когда произошел взрыв, а то он мог бы серьезно полатиться. В этом опасном предприятии все мы принимали посильное участие. У меня после этого даже делали обыск. Но в конце концов историю как то замяли.

Был еще словесник Караман, преподававший одновременно и в женской гимназии. Мы лазили к нему в пальто и доставали оттуда стишки, которые подсовывали ему гимназистки, в роде следующих:

Караман, Караман,
Посажу тебя в карман.

Тут же следовала остроумная реплика самого педагога, уже в прозе: «Тогда в кармане у вас будет больше ума, чем в голове».

Чудаческие черты таганрогских учителей нашли себе применение в произведениях Антона Павловича. Позднее, играя Кулыгина в «Трех сестрах», я как то спросил Антона Павловича, зачем это нужно, чтобы Кулыгин в последнем акте являлся со сбритыми усами.

— Послушайте, — отвечал Антон Павлович, — вы же помните Виноградова!

Тогда я сразу сообразил, в чем тут дело. Виноградов, Василий Ксенофонович, преподавал, как и Кулыгин, латинский и русский язык. Он носил бородку и усы. И вдруг приходит в класс со сбритыми усами. Это вызвало среди учеников большой переполох. На перемене оживленно толковали об этом происшествии, высказывали различные предположения. Явился к нам Антон Павлович и весело сообщил:

— Сейчас артист Соловцов увез жену нашего гимназического учителя Старова, а Виноградов назначен инспектором и получил Станислава. Послушайте же (у него и тогда уже была эта манера говорить), послушайте, ведь есть же приказ.

Действительно, так оно и оказалось. Антон Павлович умел и тогда подмечать комические черточки обывательщины.

Помню тогдашний внешний облик Чехова: несходившийся по бортам гимназический мундир и какого нибудь неожиданного цвета брюки. От начальства ему постоянно влетало за несоблюдение формы, но он упорствовал в своих вольностях.

— Чехов, будете в карцере! — пригрозил ему как то директор, увидев его в клетчатых панталонах.

— Да у меня ж брюки украли, — убедительно оправдывался Чехов.

Я потом спросил у него, вправду ли у него украли брюки.

— Да ну его! — отвечал он. — Конечно, выдумал, чтоб только отстал.

Другой раз директор потребовал, чтобы Чехов носил ранец, как полагается, на спине, а не подмышкой.

— Я от него уйду в Австралию, — говорил мне по этому поводу Чехов.

Изводить всякого рода начальство любил и Александр Павлович. Он отчего то особенно преследовал полицмейстера. Встречая его в театре где нибудь в курилке, он становился незаметно у него за спиной и каким то особенным образом рыгал. А когда тот поворачивался, принимал самый невинный вид. Полицмейстер сердился, но ничего не мог поделать с молодым человеком в штатском, который спокойно курил (по будням гимназистам не разрешалось ходить в театр, и потому они переодевались в штатское).

Все Чеховы увлекались театром — и особенно Антон Павлович. Бывало, он перед спектаклем собирал нас и растолковывал нам содержание пьесы, которую нам предстояло смотреть. А на другой день происходили дебаты в товарищеском кружке по поводу виденного. Меня и тогда поражало тонкое артистическое чутье Антона Павловича.

Таганрогские театралы разделялись на две партии — беллатистов и зингеристов — по имени двух певцов итальянской оперы: Беллати и Зингери. Поклонники обеих примадонн носили внешние знаки отличий в виде галстуков разных цветов: голубого и красного. Чехов был беллатист и носил красный галстук. В этом его уличил один из помощников классных наставников, Вуков. Обнаружив у Антона Павловича под мундиром галстук (ношение галстуков вообще было запрещено, а красный цвет был, помимо этого, уликой недозволенных посещений театра), педагог зарычал и стал сдирать галстук.

— Послушайте, ведь она же прекрасно поет, — убеждал Чехов, защищая руками свой галстук.

Вообще посещение театров приходилось отстаивать всякими увертками. Инспектор Виноградов — тот самый, который сбрил усы по случаю получения инспекторского места — стоит, бывало, в антракте между рядами кресел и, обернувшись спиной к сцене, выискивает наши физиономии на галерке. А мы, конечно, в штатском. На другой день в гимназии Виноградов подзывает Чехова и заявляет, что видел его в театре переодетым в штатское. Чехов отрицает, уверяет, что тот ошибся. Инспектор настаивает, говорит, что узнал его.

— Наверное, это был мой двойник,— уверяет Чехов.

Доставалось нам еще за наши театральные увлечения от учителя географии и естественной истории Крамсакова, Ивана Федоровича. Это был любитель охоты и, кроме того, страшный пьяница. Однажды — должно быть, в пьяном виде — он подстрелил, вместо дичи, своего племянника, который пошел за нуждою в кусты. Этот случай долгое время был предметом шуток для гимназистов. Крамсаков ничего не признавал, кроме своей географии и естественной истории, и постоянно выговаривал нам:

— Зачем ты ходишь в театр? Сиди дома, учи уроки!

Вот про этого Крамсакова и писал мне впоследствии Антон Павлович по поводу успеха «Чайки» в Художественном театре: «Думал ли Крамсаков, что я буду писать пьесы, что вы будете их играть!» (26-го дек. 1898 г., «Письма», т. V, стр. 283.)

Много у нас оказалось общих воспоминаний, гимназических и театральных, потом, когда мы снова сошлись с Антоном Павловичем в Художественном театре. После «Чайки» он подарил мне, вместе с экземпляром своих пьес, и свою фотографию с загадочной для всех, кроме нас двоих, надписью: «Другу детства, милому человеку, великолепному Дорну (моя роль в «Чайке»), земляку и однокашнику,

современнику Петрарки и Жоржа, ныне талантливому и уважаемому артисту, Александру Леонидовичу Вишневному, на добрую память от автора и ученика Таганрогской гимназии, А. Чехова». Никто, кроме меня, не мог бы расшифровать значение имен «Петрарки» и «Жоржа». А дело объяснялось просто. Петрарки был наш приятель, машинист городского театра в Таганроге, когда то устраивавший нас (меня, Антона Павловича, и П. А. Сергеевко) бесплатно в раек (так называлась у нас галерея). А Жорж — это театральный афишер, которого мы с нетерпением ожидали на большой перемене в гимназии, чтобы узнать репертуар на ближайшие дни. Когда он появлялся, мы от восторга принимались его качать.

Антон Павлович до конца жизни помнил Таганрог и часто говорил мне в шутку:

— Послушайте, ведь Таганрог это же первый город. Все талантливые люди из Таганрога.

В прошлом году г. Таганрог праздновал столетие своего театра. Я получил приглашение на это торжество. Текущий репертуар, к сожалению, не позволил мне лично присутствовать, и потому я послал телеграмму, в которой, между прочим, писал:

«Я не могу умолчать в день юбилея Таганрогского театра о том, что знаменитый соро-

дичь наша, гордость наша — Антон Павлович Чехов, — вместе со мной, в стенах юбиляра делил наши общие мечтания. Для твоих спектаклей, юбиляр, мы с ним, презрев карцер гимназического начальства, переодевались в штатское платье, бегали в твой рай, и лишая себя обедов, утоляли во время антрактов свой голод подсолнухами, засоряя шелухой твою обетованную землю. Чехова давно уже нет, но я живой свидетель того, что, встретясь с ним после долгого перерыва, часто слышал, как он всегда говорил о таганрогском театре самыми теплыми, ласковыми и сердечными словами. Как знать, может быть, его вдохновение, пророческие мысли о том, что: «придет время, когда надвигающаяся громада сдунет с нас лень, скуку и пошлость жизни, чтобы сделать в будущем ее бесконечно прекрасной», — получили источник от тех же счастливых минут, проведенных в Таганрогском театре».